УДК 316.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕХНИКИ И ИДЕОЛОГИИ В КОНЦЕПЦИЯХ Ф.Г. ЮНГЕРА И Ю. ХАБЕРМАСА[1]

Дёмин Илья Вячеславович,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, доцент кафедры философии и истории, кандидат философских наук, доцент, г. Самара, Россия.
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Аннотация
Рассматривается проблема взаимосвязи феномена идеологии с современной техникой в философских концепциях Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса. Согласно Юнгеру, техническое (технократическое) сознание является аксиологически и идеологически нейтральным. Хабермас усматривает в техницизме новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и досягаема для критической рефлексии.

Ключевые понятия:
техника, идеология, технократическое сознание, техницизм.

В статье рассматривается проблема социокультурных смыслов современной (машинной) техники. Господство техники приводит к трансформации базовых характеристик человеческого (социально-культурного) бытия, таких как пространство, время, преобразующая деятельность, отношение человека к самому себе и к другим и т.д. Современная техника является той средой, которая меняет смысл и содержание фундаментальных понятий социальной философии и философии культуры (культурных универсалий). Разработка данной проблемы предполагает прояснение связи и соотношения между техникой и другими социально-культурными феноменами: наукой, идеологией, моралью, правом, религией. Конкретная задача, на решение которой направлено исследование, заключается в выявлении взаимосвязи между феноменами техники и идеологии. Эта задача решается на материале социально-философских концепций Ф.Г. Юнгера и Ю. Хабермаса.

В процессе исследования применялся сравнительный (компаративный) метод исследования, использовался проблемно-тематический способ анализа и изложения материала.

В современной социальной философии реализуются различные стратегии и подходы к анализу феномена техники. Техника рассматривается в качестве: а) фактора социально-экономического развития; б) прикладного естествознания; в) специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [4, с. 235].

Последнее направление представляется наиболее перспективным, так как открывает возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит задача выявления философских, социокультурных, мировоззренческих, антропологических смыслов техники.

Фридрих Георг Юнгер разработал оригинальную трактовку техники, которую, наряду с концепциями Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета, можно отнести к *экзистенциальному* направлению в философии техники [2, с. 42–46].

Юнгер исходит из того, что традиционное инструменталистское определение техники является недостаточным и неполным. В работе «Совершенство техники» [7] под «техникой» понимается не просто со-

[1] Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

вокупность орудий, средств и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет потребности и реализует те или иные цели, но, прежде всего, *способ организации человеческой жизни,* присущая современному человеку форма существования. Традиционное инструменталистское определение техники перестает работать, как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а, во-вторых, предполагает определенный тип человеческого поведения и способ существования.

В отличие от инструменталистских концепций Энгельса или Ясперса, в которых техника рассматривалась как инструмент воли социального субъекта, в социально-философской концепции Юнгера техника «сама становится субъектом – совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой» [3, с. 83]. Понимание техники как *квази-субъекта* находит выражение в таких формулировках, как «техника ставит человека себе на службу» [7, с. 126], «техника ничего не творит, она организует спрос» [7, с. 37] и т.д.

Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». Человек (рабочий) в современную эпоху выступает в роли Техника. «Техник» есть субъект, онтологически *соразмерный* современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Техника, техническая организация ставит человека себе на службу. Каким образом это происходит? «Все протекает с неотвратимостью естественного процесса. Если выбрать для его обозначения подходящий технический термин, то можно описать происходящее так: "техника включает человека"» [7, с. 126–127]. Слово «включение» имеет два основных смысла, оба они значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию, вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» – значит *задействовать, привести в действие* какой-то механизм, агрегат. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и, в то же время, находясь внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее функционирование.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы извне, из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [7, с. 168]. Логика технической рациональности требует вовлечения в техническую организацию все новых и новых областей неорганизованного (спонтанного, естественным образом существующего) сущего.

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [7, с. 168]. Такая трактовка высвечивает *эксплуататорскую* и *паразитарную* природу техники. Эксплуатация есть отношение к природе, с необходимостью вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатации природы и самого человека [7, с. 140].

Наступление эры машинной техники и включение человека в техническую организацию существенно трансформирует все основные параметры и характеристики социального бытия. Одним из значимых индикаторов этой трансформации становится возникновение *феномена идеологии.*

К конститутивным элементам идеологии Юнгер относит: 1) насильственный характер, проявляющийся в том, что всякая идеология стремится втиснуть те или иные социальные феномены в рамки замкнутой дедуктивной системы; 2) идеология, в отличие от научной теории, непосредственно обращается к воле человека, неразрывно связана с целеполаганием: «Идеология всегда стремится к тому, чтобы проложить воле дорогу к цели» [7, с. 308].

Полемика между различными идеологиями по тем или иным социально-политическим и экономическим вопросам, согласно Юнгеру, никогда не затрагивает и не ставит под сомнение *оснований* идеологического типа сознания как такового. Фундаментальным основанием идеологии выступает современная машинная техника.

Спор между сторонниками социализма и капитализма представляется Юнгеру спором по частным вопросам, не затрагивающим сути дела. Дело не в том, что одна система общественных отношений (капитализм) порождает эксплуатацию человека, а другая (социализм) эксплуатацию исключа-

ет. Основания эксплуатации – не в той или иной системе общественных отношений, но в самой современной машинной технике, в технической организации производства и жизни людей. Проблема не в том, что одни люди эксплуатируют других, а в том, что техника в равной степени эксплуатирует *всех* (и «эксплуататоров», и «эксплуатируемых»). Социализм как идеология борьбы против *экономической* эксплуатации не является подлинной альтернативой буржуазному либерализму. Социализм – это всего лишь идеология *неудавшихся эксплуататоров* [7, с. 428]. Социалисты, как и либералы-прогрессисты, не ставят под вопрос саму систему технической организации и эксплуатации природы и человека. Социальная эксплуатация – это всегда эпифеномен эксплуатации *технической*.

Юнгер рассматривает идеологию как специфический феномен массового общества. Идеология – это всегда *идеология масс.* Неправомерно поэтому говорить об идеологии применительно к традиционному типу общества. Народ как носитель традиционной культуры и традиционного (мифологического или религиозного) миропонимания, в отличие от массы, не знает никакой идеологии и не может выступать объектом идеологических манипуляций.

Наиболее примечательная черта массового общества – «искусственность существования, зависящего от пополнения извне» [7, с. 183]. Подобно тому, как техника черпает ресурсы для своего самовоспроизводства и расширения в *природе*, так же и массовое индустриальное общество живёт и воспроизводит себя за счёт доиндустриальных, традиционных социальных групп и отношений, которые рассматриваются в качестве *ресурса* и *материала* «социального развития».

Отношения между «идеологией» и «техникой» в концепции Юнгера носят по преимуществу *односторонний* характер. Техника в своём неуклонном совершенствовании ни в какой идеологии не нуждается; идеология же не может существовать вне контекста массового общества, порождённого техническим прогрессом и, в свою очередь, создающего благоприятную среду для ускорения технического развития.

Доминирующей тенденцией социальных изменений в эпоху машинной техники становится *рационализация*. Рационализация социальной жизни неотделима от процесса совершенствования техники: «Один из признаков техники – освобождение человека от всех связей, не имеющих рационального характера, и подчинение его рациональным отношениям» [7, с. 185].

С возрастанием рационализации техники и с утверждением нового типа социальной организации («массовое общество») возрастает и «духовная податливость» человека, его подверженность идеологическим влияниям. Однако власть идеологов и манипуляторов в массовом обществе – это всего лишь одно из проявлений *власти техники* над природой и человеком.

Техник (носитель технического, технократического сознания) не нуждается в той или иной содержательно конкретной идеологии [7, с. 185]. Процесс технического развития не предполагает идеологического сопровождения и обоснования. Техника совершенствуется независимо от идеологии, идеология же всегда идёт в фарватере технического развития. Союз техники и идеологии в большей степени «выгоден» идеологам, нежели «технократам».

Господство идеологии в эпоху современной техники связано с тем обстоятельством, что человек, включённый в систему технической организации, порывает с прежними, укоренёнными в традиции, формами миропонимания и стремится обрести в идеологии новую, *искусственно сконструированную* систему ценностей, представлений и ориентиров.

Техника, будучи сама по себе идеологически и аксиологически *нейтральной*, сужает «жизненное пространство», порождая своего рода мировоззренческий и экзистенциальный вакуум: «Усилия Техника увеличивают пустое пространство, причем увеличивают его в той же степени, в какой они сужают пространство жизненное» [7, с. 188]. Экзистенциальный вакуум, порождаемый техникой, занимает идеология. Техника, таким образом, создаёт экзистенциальные предпосылки идеологии и формирует среду, необходимую для утверждения идеологического типа сознания.

Обратимся теперь к трактовке идеологии и техники в философии Юргена Хабермаса.

Если в концепциях Юнгера и Хайдеггера техника мыслится как *судьба* современного человека и человечества, то в контексте социальной философии Франкфуртской школы (Маркузе, Хабермас) машинная техника понимается как *проект*, имеющий определённые социальные и мировоззренческие предпосылки: «Техника – это исторически-общественный проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нем интересы замышляют сделать с людьми и вещами» [6, с. 52].

Сущность современной техники Хабермас, как и Юнгер, усматривает в господстве

над природой, в эксплуатации природы. Техника понимается в качестве системы господства над объектами и управления объективированными процессами. Общим для обеих концепций является также признание того, что доминирующее отношение к природе в эпоху современной техники коррелирует с господствующим типом коммуникации в обществе. Существующие в обществе формы политического господства следует рассматривать в качестве модификации исходной интенции новоевропейской культуры, заключающейся в покорении и подчинении природы посредством экспериментального естествознания.

Исходным и основополагающим в концепции Хабермаса выступает *различение* целерационального действия (труда) и действия *коммуникативного* (интеракции). Под «трудом» Хабермас понимает «инструментальное действие, или рациональный выбор, или их сочетание» [6, с. 66]. Термин «интеракция» у Хабермаса в большинстве случаев означает непосредственную межличностную коммуникацию, коммуникативное действие, которое по своей структуре принципиальным образом отличается от целерационального трудового действия.

Феномен политической идеологии связывается Хабермасом не столько с техникой, сколько со способом легитимации власти и политического господства.

В культуре традиционного общества легитимация социально-политического порядка осуществлялась в форме «космологических интерпретаций мира» (мифологии и религии). Этот способ легитимации Хабермас избегает называть «идеологией», подчёркивая, что в строгом смысле никаких *добуржуазных* политических идеологий быть не может [6, с. 79].

В новое время традиционная форма легитимации господства ставится под вопрос. Политическая идеология общества модерна (классический либерализм) «возникает из критики догматики традиционных интерпретаций мира и претендует на научный характер» [6, с. 79]. Классическая идеология является одновременно и критикой традиционной картины мира и формой «ложного сознания», скрывающего и камуфлирующего подлинные основания социальных явлений.

Анализируя общество позднего капитализма, Хабермас приходит к выводу, что марксистская трактовка идеологии как надстройки над экономическим базисом перестаёт работать. Главную причину радикальных трансформаций современного общества Хабермас усматривает во всё более тесном взаимодействии науки и техники, находящем выражение в процессах «онаучивания» техники и технизации науки [1, с. 12–13]. В позднекапиталистическом обществе наука в качестве производительной силы не только изменяет базис общества, но и начинает функционировать в качестве квази-идеологии, всё более замещает собой классическую политическую идеологию.

В отличие от классической идеологии, которая служила средством легитимации политического господства одного класса над другим, новая форма идеологии (наука и техника как «идеология») уже не имеет классовой природы. Для обозначения этой новой формы идеологии Хабермас использует термин «технократическое сознание» [6, с. 98]. Как и Юнгер, Хабермас подчёркивает *надклассовый* характер идеологии, формирующейся в эпоху господства машинной техники. Носителем технократического сознания выступает не тот или иной социальный слой, но в известном смысле *каждый человек* (в той степени, в которой он оказывается включённым в функционирование технических систем).

Технократическое сознание является, с одной стороны, менее идеологизированным, чем «классовое сознание» буржуазии и пролетариата, характерное для общества классического капитализма. С другой стороны, идеология, во власти которой находится технократическое сознание, оказывается более *всеобъемлющей и всепроникающей,* чем идеология старого типа. Это «прозрачная», фоновая идеология, идеология «заднего плана» [6, с. 99].

Для эпохи господства технократического сознания характерна *деполитизация* общественной жизни. Тенденция деполитизации связана с тем обстоятельством, что политические вопросы всё более редуцируются к вопросам *техническим*, так что начинает казаться, будто всякий вопрос, рождающийся в ходе социально-политического развития общества, может быть рассмотрен и решён как вопрос *технический*. Наука, выступающая в союзе с современной машинной техникой, оказывается важнейшим фактором деполитизации общественной жизни, фактором формирования новой *деполитизированной* социальности.

В обществе позднего капитализма политика приобретает всё более *функциональную* направленность. Она утрачивает свой содержательный смысл и превращается в «операциональную систему для решения организационно-технических вопросов и выполнения практических задач» [5, с. 64]. «Решение технических задач не предполагает публичного обсуждения» [6, с. 86],

отсюда – деполитизация как одна из базовых тенденций позднекапиталистического общества. «Новая идеология отличается от старых тем, что она отделяет критерии оправдания от организации совместной жизни, то есть от нормативного регулирования интеракции вообще. В этом смысле она их деполитизирует и вместо этого привязывает к функциям подчиненной системы целерационального действия» [6, с. 101].

Возвращаясь к базовой дихотомии труда и интеракции, необходимо отметить, что для общества позднего модерна характерно господство целерациональной (а не коммуникативной) модели действия, *доминирование труда над интеракцией*. Превращение научной техники и технизированной науки в новую форму идеологии, делающей ставку на расширение технического могущества человека, меняет характер соотношения между трудом и интеракцией, целерациональным и коммуникативным действием. Для эпохи господства технократического и сциентистского сознания характерно всё более полное забвение различия между трудом и интеракцией: «Не только из сознания наук о человеке, но и из сознания самих людей исчезает различие между целерациональным действием и интеракцией. Идеологическая сила технократического сознания проявляет себя в завуалировании этого различия» [6, с. 92]. В горизонте технократического сознания оказывается невозможно провести чёткую границу между *практическим* (политическим) и *техническим*, между действием и господством.

Новая идеология (техницизм, сциентизм), характерная для технократического сознания, препятствует созданию (конституированию) «свободной от господства коммуникации» [6, с. 99] в гораздо большей степени, чем это делала старая буржуазная идеология. Тем самым она наносит ущерб «фундаментальным условиям человеческого существования, прежде всего языку, а именно связанным с речевыми коммуникациями формам социализации и индивидуализации, возможностям интерсубъективного понимания» [5, с. 65].

В условиях позднекапиталистического общества и научно-технической цивилизации задача разоблачения политической идеологии как формы ложного сознания во многом утрачивает свою актуальность и отходит на второй план, на первый же план выходит задача гуманистической критики технократического и сциентистского сознания.

Хабермас пересматривает традиционное понятие *рациональности*, которое в философских концепциях XX в. прочно связывалось с научным типом мышления. Он предлагает различать два смысла рационализации: применительно к *труду* и применительно к *интеракции*. Традиционное, идущее от М. Вебера, понимание рационализации как «расколдовывания» мира и технизации человеческой деятельности является неполным и недостаточным. Наряду с понятием *технической рациональности* Хабермас вводит понятие рациональности *коммуникативной*. Он предлагает различать рационализацию как *сциентификацию и технизацию* (что предполагает повышение возможности технического распоряжения в отношении *опредмеченных* процессов природы и общества) и рационализацию как «ликвидацию барьеров в коммуникации» и уменьшение «степени репрессивности» общественных норм.

Выход из тупиков технической цивилизации и технократического сознания Хабермас видит в дальнейшей эмансипации и индивидуации личности. Необходимой предпосылкой этого является расширение пространства интеракции и коммуникации.

Подведём итог. В концепции Юнгера критика техницизма осуществляется в перспективе возвращения человека к более изначальному и аутентичному способу существования. В рамках социальной философии Хабермаса критика технократического и сциентистского сознания осуществляется с гуманистических позиций в перспективе расширения пространства «коммуникативной рациональности».

В обеих концепциях отмечается сущностная связь феномена идеологии с современной техникой. Однако если в концепции Юнгера техника является только благоприятной *средой* для утверждения и господства идеологий, то у Хабермаса «сциентифицированная» техника и технизированная наука превращаются в *квази-идеологию* позднекапиталистического общества. Юнгер рассматривает техническое (технократическое) сознание как аксиологически и идеологически нейтральное, Хабермас же усматривает в этом типе сознания новую форму идеологии, которая тем более опасна, чем менее она заметна и досягаема для критической рефлексии.

Юнгер отождествляет рациональность с научно-технической рациональностью, рассматривая процесс совершенствования техники как процесс её рационализации, Хабермас же различает техническую и коммуникативную рациональность, усматривая в последней условие возможности

конструктивного диалога и взаимопонимания между социальными субъектами.

Таким образом, в социально-философских концепциях Юнгера и Хабермаса акцентируется внимание на двух различных, но одинаково значимых аспектах современной техники. Юнгер обосновал тезис о том, что техника является идеологически нейтральным феноменом, она «равноудалена» от всех политических идеологий. Однако, как было показано Хабермасом, в деидеологизированном обществе позднего капитализма техницизм и сциентизм становятся новой формой идеологии (квази-идеологии), занимают место традиционных политических идеологий.

1. Алхасов, А.Я. От критической теории к теории коммуникативного действия: эволюция взглядов Юргена Хабермаса [Текст] / А.Я. Алхасов. Ульяновск, 2001. 150 с.

2. Демин, И.В. Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера [Текст] / И.В. Дёмин // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей. Сб. науч. ст. Вологда, 2014. С. 42–46.

3. Михайловский, А.В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров [Текст] / А.В. Михайловский // Философские науки. 2013. № 7. С. 79–95.

4. Нестеров, А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода [Текст] / А.Ю. Нестеров // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2015. Т. 14. № 1. С. 235–246.

5. Фарман, И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса [Текст] / И.П. Фарман. М.: ИФ РАН, 1999. 244 с.

6. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» [Текст] / Ю. Хабермас. М.: Праксис, 2007. 208 с.

7. Юнгер, Ф.Г. Совершенство техники. Машина и собственность [Текст] / Ф.Г. Юнгер. СПб.: Владимир Даль, 2002. 560 с.

References

1. Alhasov A.Ja. (2001) Ot kriticheskoj teorii k teorii kommunikativnogo dejstvija: jevoljucija vzgljadov Jurgena Habermasa. Ul'janovsk, 150 p. [in Rus].

2. Demin I.V. (2014) *Chelovek v tehnosrede: konvergentnye tehnologii, global'nye seti, Internet veshhej.* Vologda, pp. 42–46 [in Rus].

3. Mihajlovskij A.V. (2013) Filosofskie nauki, no. 7, pp. 79–95 [in Rus].

4. Nesterov A.Ju. (2015) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ajerokosmicheskogo universiteta im. akademika S.P. Koroleva (nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta),* vol. 14, no. 1, pp. 235–246 [in Rus].

5. Farman I.P. (1999) Social'no-kul'turnye proekty Jurgena Habermasa. Moscow, IF RAN, 244 p. [in Rus].

6. Habermas Ju. (2007) Tehnika i nauka kak "ideologija". Moscow, Praksis, 208 p. [in Rus].

7. Junger F.G. (2002) Sovershenstvo tehniki. Mashina i sobstvennost'. St. Petersburg, Vladimir Dal', 560 p. [in Rus].

UDC 316.2

INTERRELATIONS BETWEEN TECHNOLOGY AND IDEOLOGY IN CONCEPTIONS OF F.G. JUNGER AND J. HABERMAS

Demin Ilya Vyacheslavovich,
Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
Head of the Department Chair of Philosophy and History,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Samara, Russia.
E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Annotation
The article considers the problem of interrelations between the phenomenon of ideology and up-to-date technology in philosophic conceptions of F.G. Junger and J. Habermas. According to Junger, technical (technocratic) perception is axiologically and ideologically neutral. Habermas thinks technicism to be a new form of ideology which is the mote dangerous the less it is noticeable and approachable for critical reflexion.

Key concepts:
technology,
Ideology,
technical perception,
technicism.